



Памяти профессора С. И. Смирнова

Когда, возвращаясь из своего финляндского путешествия, я подъезжал вчера к Москве, то первым глубоко поразившим меня сообщением московских, давно невиденных мною газет была скорбная весть о преждевременной кончине профессора Сергея Ивановича Смирнова.

Правда, ещё месяц тому назад, перед своим отъездом из Москвы, я слышал о какой-то странной и подозрительной болезни С. И., выразившейся в довольно сильной и, по-видимому, беспричинной, или во всяком случае непонятной его слабости. Но так как анализы медицинской экспертизы не давали ничего особенно тревожного, то слабость эту стали объяснять общим его переутомлением и той крайне нервной трёпкой, в условиях которой приходится работать и служить лучшей, наиболее честной и идейной части академической профессуры в современной, сильно деморализованной и терроризованной московской духовной академии.

Действительность оказалась гораздо печальнее: непонятная слабость была показателем смертельной болезни, возникшей на почве крайнего физического и нервного переутомления и выразившейся в форме острого лейкоцитоза, которое быстро привело его к столь роковой развязке.

Скончался С. И. сравнительно ещё очень молодым для профессора, не имея и полных 46 лет от роду, в самом расцвете его учёной деятельности, когда только год тому назад он был утверждён ординарным профессором и доктором церковной истории за его капитальный труд: «Древнерусский духовник», который всего лишь на днях удостоен полной Макарьевской премии от учебного комитета при синоде, а несколькими месяцами раньше увенчан и от академии наук полной Уваровской премией.

Казалось бы, человек только-только что подошёл к вожделенной для всякого профессора грани, когда он получил полное научное признание и достиг более прочного и материально обеспечивающего служебного положения. Всё это как раз прекрасно сознавал и сам он, так как во время моего последнего посещения его, как-то в середине марта месяца, С. И. с облегчённым вздохом заметил: «Ну, мои мытарства теперь, кажется, окончены. Слава Богу, получил теперь и докторство, и ординатуру и даже сделан членом правления! Теперь можно более мирно и покойно предаваться своей научной работе, не озираясь по сторонам и не трепеща за свою участь!»

Но увы! Этим надеждам на новую, более покойную работу так и не суждено было осуществиться. Очевидно, «усталь» от ненормальных условий предшествующей работы и всех её научных, а ещё больше служебных мытарств была слишком велика, и её не могла уже восстановить новая, более спокойная полоса жизни, тем более, что и здесь «покой»-то был весьма относительным и условным, так как чуткому и совестливому человеку приходилось постоянно гореть и волноваться, если не за себя, то за других...

С покойным С. И. я был связан узами давнего, почти тридцатилетнего знакомства. Мы с ним — воспитанники ещё одной и той же средней школы (вифанской семинарии), и он всего лишь двумя выпусками старше меня по семинарии и академии.

И в последующей, уже самостоятельной нашей жизни и службе мне неоднократно приходилось работать совместно с С. И.—чем: мы были с ним коллегами и по раннейшей моей службе в московской духовной академии и по позднейшей его университетской приват-доцентуре и, наконец, по совместной нашей работе на высших женских курсах Полторацкой.

Не похвалюсь, чтобы наши личные отношения с С. И.—чем были особенно близкими и дружескими. Бывало иногда даже и наоборот, что слишком замкнутый и подозрительно-осторожный

С. И. неправильно понимал меня и даже выступал против меня, в чём, впрочем, позднее искренно раскаивался.

Но это-то обстоятельство как раз и даёт мне моральное право сказать о С. И—че подлинную, беспристрастную правду, чуждую всякого интимного приятельства.

Зная покойного С. И—ча с третьего класса семинарии, я привык в нём ценить и уважать прежде всего серьёзного и основательного научного труженика, на редкость усидчивого, добро-совестного и полезного работника, преимущественно в области его прямой специальности — русской церковной истории.

Здесь он был достойным учеником его великих учителей — Е. Е. Голубинского и В. О. Ключевского, сумевшим в своих сочинениях сочетать, до известной степени, великий испытующий и критический талант первого с высоким изяществом и обобщающим синтезом второго.

Магистерская («Духовный отец в древне-восточной церкви») и докторская («Древнерусский духовник») диссертации С. И—ча, а также его научно-публицистическая брошюра «Как служили миру подвижники древней Руси?» — служат лучшими тому доказательствами.

В сфере же коллегиальной академической работы С. И—ч был носителем лучших традиций старой академии, — академии Горского и Голубинского. Это был безусловно честный, прямолинейный ум, иногда, быть может, несколько упрямый и односторонний, но всегда руководившийся чисто идейными принципами и довольно бурно возмущавшийся всякой несправедливостью, пристрастием и произволом. А поводов к таким возмущениям было за последние годы более чем достаточно.

В этом последнем отношении С. И—ч несколько напоминал собою покойного профессора той же академии А. П. Голубцова, который тоже преждевременно скончался лет пять тому назад и к памяти которого С. И. питал особо тёплое чувство.

Оба эти духовно родственных профессора — люди особой душевной складки. Они очень скромны и даже как бы замкнуто сдержанны по внешности. Но внутри их, при всяком идейном сопротивлении, происходит весьма интенсивная работа «большого внутреннего сгорания». Они тепло и светло горят, но зато и быстро, преждевременно сгорают, в особенности в условиях более тяжёлой и душной моральной обстановки.

Мир праху нового насельника академического кладбища и тёплая, благодарная память ему от всех его товарищей и учеников, оставшихся верными заветам «старой» академии!